

достигло, и достигло навечно, вершины могущества и блеска – с тех пор как оружейных дел мастера создали для рыцарей самые эффективные и прекрасные по виду доспехи. Одетый в блестящее железо (не сталь – доспехи изготавливали из высококачественного железа) с головы до пят, каждая деталь которого была прекрасна уже сама по себе, будучи плодом труда лучших мастеров, рыцарь чувствовал себя богом войны. Да, он действительно выглядел как бог войны. Он превосходил любого пехотинца, пусть даже тот подбирался к нему на расстояние портняжного ярда, он был неуязвим, прекрасен, как Аполлон, и страшен, как Марс; и вот теперь крошечный железный шарик, вытолкнутый силой пороха из какой-то ничтожной трубы низким маленьким простолюдином, совершенно не умеющим драться, запросто валит его из седла в пыль, и только кровь, пачкающая великолепные доспехи вокруг маленького отверстия, пробитого презренной пулей, говорит о его бесславном конце.

Огнестрельное оружие Шекспир очень метко назвал «омерзительной селитрой». Да, она омерзительна, и таковой остается по сей день. Но рыцарский кодекс чести и несгибаемый дух рыцарей держались твердо, когда не выдерживали доспехи. В то мрачное и доблестное время в эпохе Средних веков очень многих поражали бесстрашие рыцарей и их нежелание признавать себя побежденными. Когда рыцари в 1204 году осаждали Константинополь, византийцы испытывали смешанное с ужасом восхищение яростной отвагой «франкских» рыцарей, ничто не могло их остановить, писали греческие хронисты, ибо они не боялись ничего. Не заботясь о сохранении жизни и конечностей, не обращая внимания на раны и численность врагов, они упрямо шли и шли вперед. Они наступали и теснили врага любой ценой, и так как интересовала их только победа, то они обычно и побеждали, вопреки самым неблагоприятным шансам. И если они умирали, то сами выбирали, как им умереть. Встретить свой конец в жаркой рукопашной схватке – вот предел мечтаний для воспитанного в рыцарских традициях воина, а не делать трагедию из кровавой раны – было одним из главных принципов нерушимого железного кодекса чести.

Внимательно прочтите отрывок из биографии франконского рыцаря Геца фон Берлихингена, потерявшего руку в сражении у стен Ландсхута в 1504 году. Берлихинген пишет: «В воскресенье, когда мы дрались у стен Ландсхута, нюрнбержцы развернули пушки и ударили, не разбирая ни друзей, ни врагов. Противники заняли сильную позицию на дамбе, и я был вынужден скрестить копьё с одним из них. Но пока я выжидал удобного момента, нюрнбержцы обрушили на нас огонь своих пушек. Один из них выстрелил двойным зарядом из кулеврины и попал мне в рукоятку меча, так что половина ее вошла мне в правую руку, а с ней и три железные пластины доспехов. Рукоять меча так глубоко ушла под доспехи, что ее вообще не было видно. Я до сих пор удивляюсь, как мне удалось удержаться в седле. Доспехи, правда, остались целы, только были немного покорежены ударом. Вторая половина рукоятки и клинок погнулись, но тоже остались целы, и именно благодаря этому обстоятельству, как мне кажется, мне и оторвало руку между перчаткой и наручником. Рука моя безвольно болталась из стороны в сторону. Когда я заметил и понял, что моя рука болтается на лоскуте кожи, а копьё валяется у ног моего коня, я, сделав вид, что ничего особенного со мной не произошло, спокойно развернул коня и, невзирая ни на что, без помех вернулся к своим, и никто из врагов не задержал меня. Как раз в это время показался старый копьеносец, направлявшийся в гущу сражения. Я подозвал его и попросил побыть со мной, показав, что со мной приключилось. Итак, он остался, но вскоре был вынужден позвать ко мне хирурга».